

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
От Рюрика до Александра Невского	9
Московское царство	27
Иван Грозный	45
Воцарение Романовых	69
Расширение России	85
Петр I и Екатерина II	102
«Православие, самодержавие, народность»	118
Антисемитизм	138
Ленин и Сталин	159
Путин	192
Вместо послесловия	232

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем является человек для государства — целью или средством? Пожалуй, это главный вопрос, определяющий особенности той или иной страны. Арнольд Тойнби писал в свое время («Война и цивилизация»), имея в виду «универсальное», иначе говоря, тоталитарное государство:

«Существует факт веры в бессмертие универсальных государств, веры, которая переживает века и тысячелетия, когда на то нет, казалось бы, никаких оснований. Каковы причины этого феномена, столь странного на первый взгляд?

Одна из явных причин заключена в силе личного обаяния, производимого основателями универсальных государств и их последователями. Причем, как правило, эти впечатления передаются последующим поколениям с сильными преувеличениями, превращаясь в легенду.

Другая причина устойчивости веры в бессмертие универсальных государств — впечатляющая грандиозность самого учреждения. Эта грандиозность вырастает из смутного времени и символизирует оживление распадающегося общества, поэтому она и завоевывает сердца людей.

Третья причина — тоталитарность, всеобъемлющий характер универсального государства. В политическом плане универсальное государство — высшее выражение чувства единства, которое является психологическим продуктом процесса социального распада. Универсальное государство устанавливается основоположниками и воспринимается подданными как панацея от бед смутного времени».

Для России это характерно в наибольшей степени. Ее история состоит из постоянно повторяющихся периодов «смутного времени», единственным спасением от которого казалось тоталитарное государство. Оно воспринималось как панацея от всех бед, во имя него русские готовы были терпеть любые лишения, идти на самопожертвование. Государство очень быстро осознало это и начало использовать такие черты национального характера в своих интересах. Известное высказывание Сталина о том, что люди — всего лишь винтики в государственном механизме, точно отражало реалии русского мира. В то время как на Западе шла непрерывная и успешная борьба за благополучие каждого конкретного человека, в России высшей целью существования считалось укрепление государственной машины. В результате, как отмечают многие исследователи, государство своими политическими амбициями и военными потребностями деформирует естественное развитие экономики и общества. Известный историк Василий Ключевский писал, что на протяжении русской истории «внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа».

Одним из способов доказать необходимость тоталитарного государства и, соответственно, ограничения свободы народа было постоянное напоминание о внешних угрозах. Пожалуй, нигде в мире не говорили так много о враждебном окружении страны, как в России. Со времен Московского царства и до нашего времени здесь вновь и вновь реанимируется тезис о «чужих» и «хищниках», готовых растерзать страну и уничтожить ее. Каждое вражеское нашествие служит дополнительным подкреплением этого тезиса, каждое внутреннее потрясение объясняется влиянием враждебных России сил. Между тем беспристрастный анализ хода мировой истории показывает, что Россия вовсе не была исключением из общего правила. Как отме-

чал все тот же Тойнби, любое государство в своем развитии вынуждено было постоянно отвечать на вызовы и угрозы внешнего мира, а также решать неизбежные внутренние проблемы.

В книге, которую вы собираетесь прочитать, сделана попытка объективно разобраться, кто были истинные «чужие» и «хищники», терзающие Россию, и были ли оправданы ограничение свободы народа и забвение прав личности борьбой за выживание страны. В конечном счете именно в этом заключается ответ на вопрос, чем является человек для государства — целью или средством.

Для написания книги использовались в основном труды российских исследователей, чтобы не возникло подозрение в ее «западном заказе» — утверждение, столь популярное ныне в России. Что касается самого автора, он всегда считал и будет считать русский народ одним из величайших на земле; народ, подаривший миру Толстого, Чехова, Чайковского, Рахманинова, Репина, Серова и десятки других светочей мировой культуры, не может не быть великим.

От Рюрика до Александра Невского

Ядовитый парадокс истории заключается в том, что русские начинали свою историю как раз в качестве «хищников» и «чужих». Предки русских — славяне — появились на юго-восточных окраинах Европы довольно поздно, в V—VI веках после Р.Х., и сразу начали хищнические набеги на земли Византийской империи. Славяне стали сущим проклятием Византии, — разорения, которые они наносили ей, сопоставимы с разорением Западной Римской империи германцами и гуннами.

Когда образовалась Киевская Русь, ее князья продолжали совершать походы на византийские земли, то есть грабить, насиловать, убивать местных жителей, и эта традиция сохранялась до XI века, потому что даже после принятия христианства русские продолжали вторгаться в причерноморские области, принадлежащие Византии. Удивительно, что эти кровавые и жестокие набеги подаются в русских учебниках истории как славная страница прошлого России, а князь Святослав, всю жизнь проведенный в завоевательных походах, является положительным героем.

Следует отметить также, что территория, на которой поселились русские, им не принадлежала: до них тут жили финно-угорские племена, бесцеремонно оттесненные или ассимилированные пришельцами. Большинство топонимов на географической карте центральной России имеют финское происхождение, даже название русской столицы — Москва — финское.

Впрочем, русским тоже приходилось страдать от «хищников»: находясь у границ Великой степи, тянущейся на ты-

сячи миль до самого Китая, они постоянно подвергались нашествиям азиатских кочевников; был период, когда русские земли были покорены Хазарским каганатом и входили в его состав.

«Нашествие чужих» проявлялось и в походах викингов (русские называли их «варягами») — они быстро взяли под свой контроль важнейший торговый путь от Балтийского до Черного моря, проходивший через Русь. Закончилось все тем, что викинги полностью подчинили себе русские земли, основали здесь свою династию и создали государство. Эта династия, ведущая свое начало от полупоупендарного Рюрика, правила Россией на протяжении более семи веков. Примечательно, что в русском языке слово «русские» — прилагательное, а не существительное, в то время, как обозначения других национальностей — существительные. Видимо, это отражает восприятие древними русскими себя как принадлежащими викингам, одно из имен которых было «роусь» или «русь», что дало название всему государству и его жителям. Таким образом, слово «русские» отвечает на вопрос «вы чьи?», а не «вы кто?»

В этом заключен особый смысл русской ментальности. Как писал знаменитый философ Николай Бердяев, в русских заложен некий «соблазн покорности», — по словам Бердяева, «вечно бабье в русской душе». В статье с аналогичным названием он пишет:

«Русские отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству у национальной стихии, женственной религиозности. Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри... Великая беда русской души — в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем».

«В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варягов-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет», — продолжает Бердяев. — Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти — так характерна для русского народа и для русской истории. Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа».

Для русских, однако, крайне обидно, что их государство создано «чужими», поэтому в российской историографии можно проследить постоянные попытки объявить Рюрика славянином, однако в этом, как ни странно, виноваты и немецкие историки. В XVIII — XIX веках они разработали так называемую «норманнскую теорию», которая утверждала полное превосходство немцев над русскими, — в том числе из-за того, что русские якобы не способны были даже создать государство без помощи викингов-норманнов.

«Норманнская теория» всегда служила оправданием экспансионистских германских планов в отношении России, так что русским волей-неволей приходилось ее опровергать, прибегая даже к таким сомнительным с точки зрения исторической правды аргументам, что Рюрик был не норманном, а славянином. Впрочем, дело не только в этом: поздно появившиеся на подмостках сцены мировой истории, вынужденные жить на окраине европейской цивилизации, а затем надолго отрезанные от нее и задержавшиеся в своем развитии русские чрезвычайно болезненно относятся ко всему, что хоть как-то умаляет их страну и нацию.

То, к чему французы, например, отнеслись бы с юмором и посмеялись, поскольку непоколебимо уверены, что Франция — лучшая страна в мире, а французский народ — наилучший их всех народов, и поколебать эту уверенность не может ничто, — русские воспринимают как оскорбление. Для того чтобы преодолеть эту подростковую обидчивость и обрести уверенность, русским надо перестать чувствовать себя ущемленными, но как раз этого не хочет русская власть. Ведь если русские действительно станут свободными, ей придется измениться или уйти.

* * *

Подлинное вторжение «чужих» русские испытали в начале XIII века, когда (в 1237 году) на Русь обрушились монгольские орды. За три года хан Батый, внук Чингисхана, покорил почти все русские земли, и более чем на двести лет Русь оказалась под монгольским игом.

Российский исследователь Борис Кагарлицкий в своей книге «Периферийная империя» так описывает монгольское вторжение на Русь:

«Жестокость монгольского нашествия была поразительной даже по средневековым понятиям... Население подвергалось немыслимым насилиям, зачастую просто поголовно истреблялось. Истребление людей было планомерным и хорошо продуманным, причем происходило это не только в городах, но и в сельской местности. «После того, как крестьяне закончили для них уборку урожая, они всех убивали, точно так же, как они убивали (первоначально изнасиловав) всех женщин в землях, откуда они уходили; после чего переходили разорять другие земли», [отмечает средневековый летописец].

...Русь, впрочем, не послужила «заслоном» на пути монгольских орд из Азии в Европу. Пройдя Русь, полчища Батыя вошли на территорию западных стран вполне боеспособными. Разгромив Польшу и Венгрию, победив не-

мецких рыцарей в Силезии и разграбив Чехию, монголы даже планировали двигаться дальше в Италию и Францию, где их ожидала богатая добыча. «Фактически войска Батыя победили европейских рыцарей во всех сражениях, — отмечают западные историки. — Не усталость татар или географические факторы спасли Европу, а внезапная смерть Великого хана Угедея, из-за которой разразился кризис наследования в Монгольской империи».

После нашествия Батыя монголы стали назначать правителя Руси («великого князя»), кроме того, она платила им тяжелую дань. Ричард Пайпс пишет («Собственность и свобода»):

«Взятие на себя русскими князьями ответственности за поддержание порядка и сбор дани от имени монголов имело различные последствия для политического будущего страны, причем все они были неблагоприятны для самоуправления. Во-первых, эти крайне непопулярные действия внесли отчуждение между князьями и их народом, создали ставшую постоянным фактом русской истории пропасть между правителями и управляемыми. Во-вторых, это поощрило князей на использование автократических методов. До монгольского завоевания русские княжества управлялись князьями в совете с вече, аналогом англосаксонского фолькмота. Немецкие купцы, посещавшие Новгород в средние века, поражались сходству вече с учреждением, которое они знали у себя в Германии под названием *ghemeine ding* или «общее дело», причем «дело» (*ding*) понималось в старинном значении «собрание». В домонгольское время вече были во всех русских городах, притом самые сильные среди них часто изгоняли князей, проигравших битву или как-либо иначе им не угодивших. Поэтому не без оснований можно предполагать, что при естественном ходе событий русские города, подобно западным, стали бы центрами самоуправления и гарантами гражданских прав для своих жителей.

Монголы предотвратили такое развитие. У них не было никакой нужды в вече, которое было опорой сопротивления их требованиям. Русские князья, обязанные собирать дань для монголов, также не имели причин благосклонно относиться к собраниям, которые мешали им выполнять свой долг перед монгольскими властителями. В результате во второй половине XIII века эти собрания остались без употребления. Исключение составил север, особенно Псков и Новгород, в других же местах вече исчезли, оставив князей единственными носителями власти. Там, где князья сталкивались с неповиновением своих подданных, они обращались за помощью к хозяевам-монголам. Князь Александр Невский, которого Сарай назначил великим князем во Владимир (1252— 1263) и который позднее был канонизирован русской церковью, отличился жестоким подавлением народного сопротивления монгольским поборам. То же можно сказать и о московском князе Иване I Калите.

Таким образом, в условиях татаро-монгольского владычества шел естественный отбор, приводивший к тому, что наибольшая власть доставалась самым деспотичным князьям, теснее всего сотрудничавшим с завоевателями. Монгольский способ управления Россией через князей-прислужников привел к устранению демократических институтов и заложил основы будущего самодержавия. Проблема монгольского влияния на русскую историю — выпячиваемая одними и загоняемая далеко в тень другими — может быть решена на основе признания, что монгольскую политическую систему русские не перенимали, потому что созданные завоеваниями и поддерживаемые военной силой институты империи кочевников для занятого сельским хозяйством населения не годились. Но русские, безусловно, усвоили политические приемы и понятия монголов, ибо в роли монгольских порученцев они привыкли обращаться со своим народом, как с побежден-

ным, как с людьми, лишенными каких бы то ни было прав. Такой образ мышления и поведения пережил монгольское иго». [Конец цитаты].

* * *

Парадоксально, но это страшное время, унесшее сотни тысяч, а может, миллионы русских жизней и наложившее неизгладимый отпечаток на русское государство и менталитет русского народа, не вызывает у русских неприязни к Востоку в широком смысле этого слова, — между тем Запад, принесший русским куда меньше бед, всегда воспринимается с подозрением и враждебностью.

Нам могут возразить на это, что Россия слишком многое потеряла во Вторую мировую войну, когда армии Гитлера нанесли колоссальный урон ее населению и хозяйству. Это так, но враждебность к Западу возникла задолго до Второй мировой войны, еще в глубокой древности. Истоки ее можно найти все в том же XIII веке, а связана она с именем упомянутого Пайпсом князя Александра Невского, младшего сына великого князя Ярослава, прославившегося тем, что он первым из всех русских князей поехал к хану Батю и признал его власть (в 1239 году) — и это тогда, когда Русь еще не была полностью завоевана монголами: Киев они захватили лишь в следующем году. Действуя как типичный коллаборационист, князь Ярослав (а затем и даже в большей степени Александр) убеждал русских, что им необходимо смириться с монгольским игом и приводил доводы, доказывающие чуть ли не полезность монгольской власти для Руси. Главным доводом стала «угроза с Запада», а доказательством шведский и немецкий походы в 1240 и 1242 годах на земли Великого Новгорода (самый крупный из всех русских торговых городов).

Этим походам отводится такое большое место в официальной русской историографии, а князь Александр, отразивший их, сыграл такую большую роль в формировании

идеологии российского государства, в том числе делении мира на «своих» и «чужих», что мы должны остановиться на этой теме подробнее.

Вот как описывает причины и основные события шведского и немецкого походов Борис Кагарлицкий («Периферийная империя»):

«Новгородский экспорт того времени представлен прежде всего пушниной, воском. Среди европейской аристократии той эпохи распространяется мода на меховые шубы. В Англии XIV века церковь вынуждена принимать специальные запреты, чтобы монахини перестали носить меха. Английский король Ричард II потряс воображение современников, заплатив за шубу целых 13 фунтов! Сумма действительно немалая: в то время на эти деньги можно было купить целое стадо — 86 быков.

Некоторое количество меха поступало из Норвегии, но, как отмечают западные авторы, «к концу XI века большая часть мехов приходила в Западную Европу из России, а не из Скандинавии. Датчане и шведы по-прежнему могли получать дань с народов, живших на Балтике, но не могли уже свободно заходить на русскую территорию, как раньше. Русские князья все более эффективно контролировали территорию, а Новгород особенно заботился о том, чтобы держать под контролем Карелию. Купцы, которые хотели получать лучшие меха в больших количествах, должны были ехать за ними на новгородский рынок, который становился для них все важнее».

Именно «почти монопольное господство на меховом рынке», по мнению Покровского, обеспечивало Новгороду его место в новой системе европейской торговли, складывавшейся на Балтике. Однако за это господство надо было бороться. Пограничные конфликты со шведами становятся в XIII веке обычным делом, пока в XIV веке граница не стабилизируется. Война с немецкими рыцарями в Прибалтике идет тоже почти непрерывно, с переменным успехом. Ор-

ден меченосцев и сменивший его Ливонский орден превращаются во внушительную военную силу.

Советские историки постоянно подчеркивали оборонительный характер развернувшейся борьбы, доказывая, что благодаря походам новгородцев «Русь не стала добычей немецкого рыцарства». Но правда состоит в том, что хотя порой немцы доходят до Пскова, большая часть сражений происходит на территории, подвластной Ливонскому ордену, куда, в свою очередь, регулярно вторгаются новгородские дружины. Именно в Эстонии были одержаны главные победы новгородцев. В 1234 году князь Ярослав Всеволодович разгромил немцев на реке Эмбах под Дерптом. Знаменитое Ледовое побоище 1242 года, когда Александр Невский наголову разбил немецких рыцарей, состоялось во время возвращения новгородцев из набега на территорию Ливонии. Ожесточенная Раковорская битва 1269 года, закончившаяся с неопределенным исходом, состоялась также на эстонской земле...

Конфликт со шведами в Карелии и на берегах Невы развивался по той же логике, что и противостояние с немцами. Впоследствии масштабы и значение Невской битвы были преувеличены русскими летописцами и историками до таких масштабов, что стало возникать сомнение в том, имела ли эта битва вообще место (в шведских хрониках упоминаний о ней мы не находим). В советских исторических книгах неоднократно повторяется утверждение, будто целью шведского войска, высадившегося на берегу Невы, был поход на Новгород, однако ни имеющиеся данные о численности шведского отряда, ни его действия об этом не свидетельствуют.

Описание сражения в «Житии» святого Александра Невского настолько фантастично, что воспринимать его в качестве исторического источника невозможно: шведы названы здесь римлянами (видимо, имеется в виду их принадлежность к римско-католической церкви), а непри-

ятельские войска оказываются в итоге сокрушены архангелами. Новгородская летопись дает более правдоподобную картину, хотя тоже довольно размытую. По мнению историка Александра Нестеренко, это был обыкновенный грабеж: «дружина князя Александра неожиданно напала на лагерь шведских купцов... Если немцы приходили в эти края торговать, проповедовать христианство и просвещать, то русские — грабить и получать дань». Когда же новгородская летопись пишет про большое шведское войско, высадившееся на Неве, он решительно с этим спорит, доказывая (кстати, совершенно справедливо), что столь многочисленной силы там быть не могло.

Судя по всему, небольшой отряд шведов пытался построить в устье Невы укрепленный торговый пост. Новгородцы, поняв, какую это представляет угрозу для их торговли, отправили дружину Александра и согнали шведов с берега. Говоря современным языком, имел место пограничный инцидент на спорной территории (историк Александр Широкопад возмущается тем, что ряд «русифобствующих историков» попытался «свести битву до уровня малой стычки», но сам же признается, что шведов было «меньше, чем предполагали наши патриоты-историки», не более тысячи человек).

Хотя рассказы позднейших русских и советских историков про агрессию шведских феодалов на Русь, отраженную Александром Невским, представляют собой явный плод идеологического творчества, конфликт между Новгородом, Швецией и Ганзой на протяжении большей части XIII века совершенно реален. Причем новгородцы отнюдь не всегда были обороняющейся стороной. Уже в 1187 году они (если верить «Хронике Эрика») разграбили и сожгли шведскую столицу Сиггурну. Из разрушенного города в Новгород привезли врата, украшенные бронзовыми барельефами, которые приделали к входу в храм Святой Софии. Сиггурна была разрушена настолько, что восстанав-

ливать ее не имело смысла. Выжившие жители основали на новом месте новый город — Стокгольм...

Природа конфликта на берегах Балтики была совершенно иной, чем она представляется в патриотическом мифе. Князь Александр вообще может считаться патриотом только по недоразумению: ведь именно он был основным проводником татарского влияния и защитником интересов Золотой Орды в землях русского Севера. В борьбе с немцами и шведами новгородцы отстаивали не свою независимость, а свои торговые интересы (не в последнюю очередь — свое право брать дань с угро-финских племен Прибалтики). Шла борьба за контроль над судоходством и за торговые пошлины.

Окончательные результаты пограничных конфликтов XIII века оказались в целом благоприятны для Новгорода. При этом, как показывают исследования, почти перманентное состояние войны с Ливонским орденом на торговле с немецкой Ганзой «никак не сказывалось». Формально, пока орден воевал с Новгородом, купцы из города Любек — главного торгового партнера и новгородцев, и рыцарей — преспокойно вели дела на территории обеих враждующих сторон. Собственно, за долю в этой торговле и шла борьба. А прекращение торговли стало бы катастрофой в равной степени для новгородцев и «псов-рыцарей».

Если XIII век является временем почти непрерывной войны с немцами, то XIV и большая часть XV столетия проходят исключительно мирно. Причем партнерские отношения у Новгорода устанавливаются не только с купцами, но и с рыцарями. Тевтонский орден ведет оптовые закупки мехов в Новгороде, одновременно снабжая купеческую республику столь необходимым ей серебром. В известном смысле оптовые сделки с рыцарями были для новгородцев даже выгоднее торговли с немецкими купцами». [Конец цитаты].